

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.И. КАРАСИК
(Волгоград)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

Обсуждаются лингвистически релевантные тенденции изменения знаний в сознании наших современников с учетом доминирующих признаков нашей эпохи – информационной технологической революции и постмодернистского карнавально-игрового осмысления реальности. Показано, что чувственные знания минимально подвержены трансформации, знания, основанные на здравом смысле, часто претерпевают изменения, выводимые рациональные знания сохраняют свою ценность для профессионалов и в значительной мере упрощаются в популярном научном дискурсе, который смыкается с медиадискурсом и ориентирован на развлечение широкой аудитории.

Ключевые слова: информация, знания, ценности, пресуппозиции, карнавализация.

Знания – система представлений о чем-либо, массив информации, которой обладает человек, группа людей или культура. В философии знание определяется как «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверяемый логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [5, с. 192]. Знание обладает различной степенью достоверности, противопоставлено вероятностному мнению и специфично в разных сферах человеческой активности, и поэтому различают знание житейское, научное и художественное. Поскольку знание есть результат познания, выделяются знания рациональные и чувственные, с одной стороны, и научные и псевдонаучные (ошибочные) – с другой.

В психологии противопоставляется знание декларативное и процедурное, первое трактуется как знание о мире, которое может

быть представлено как осознанно известное, фактическое знание, второе – как знание того, как делать что-то, которое является операциональным, практическим [4, с. 283]. В когнитивной лингвистике выделяются знание фундаментальное, составляющее основу наших представлений и понятий о мире, и ориентационное, указательное, определяющее ежедневно меняющуюся обстановку [2, с. 96]. Это противопоставление отражено в диадах глаголов, обозначающих знание в разных языках: *ведать – знать* (рус.), *to know – to be aware of* (English), *kennen – wissen* (deutsch), *connaitre – savoir* (français). В наши дни ориентационное знание воспринимается как сведения о том, где можно уточнить информацию о чем-либо, например, посмотреть в интернете.

Какие трансформации претерпевает знание в наши дни? Для ответа на этот вопрос необходимо обозначить ключевые признаки нашей эпохи, относящиеся к осмыслению мира. Технологический скачок в развитии информационных технологий открыл перед человечеством возможность многократного стремительного увеличения информации, которая перестала быть достоянием избранных. Постмодернистское мировосприятие характеризуется возрастанием игрового, карнавального компонента в отношении человека к реальности. Технические возможности передачи и хранения информации привели к качественному изменению кодирования знаний, а именно – к переходу от доминирующего сигнального способа передачи информации к визуально и аудиально воспринимаемому мультимодальному способу. Разумеется, эти три признака – демократизация, карнавализация и визуализация – не исчерпывают всех характеристик нашего времени, но в значительной мере определяют приоритеты в отношении к знанию.

Объективно знание складывается из трех базовых компонентов – чувственного опыта, здравого смысла и рациональной системы выведения нового знания из предшествующего. Чувственный опыт и опора на пять сенсорных модальностей – зрение, слух, обоняние, вкус и осязание – радикально не изменились за всю историю человечества. Этот канал познания подвергается минимальной трансформации в

отношении получения и осмысления знаний в наши дни. В психологии в данном случае говорят о первой сигнальной системе, которая объединяет человека с другими представителями высокоорганизованных организмов. Следует отметить, что чувственный опыт достаточно быстро переходит в автоматизированные навыки, которые отличаются ригидностью. Известно, что люди, которые обрели зрение после многих лет слепоты, когда им приходилось ориентироваться наощупь, в чрезвычайной ситуации закрывают глаза и бегут, как и раньше, ощупывая привычные стены. Этот вид знаний передается не столько описанием, сколько демонстрацией: *делай как я*. Соответственно, языковая составляющая в чувственно воспринимаемых знаниях минимальна.

Чувственный опыт принципиально не формализуется и не сводится к обобщениям. Его суть – указательность. Мы выходим за рамки чувственного опыта тогда, когда в речи используем отрицание (ср.: *Это – огонь; Это – не огонь*). Рассматривая ступени перехода ко второй сигнальной системе, Э. Ганс выделяет следующие типы высказываний, в которых происходит отрыв сообщаемого от наблюдаемого: отрицание, использование квантора всеобщности (*все, всегда, любой* и др.) и перевод содержания в плоскость гипотетической реальности (разные виды условных конструкций и модальных квалификаторов, ср.: *Он может / должен позвонить мне и Он сейчас мне звонит*) [7, с. 126].

Здравый смысл соотносит ситуацию с понятием пользы, т.е. выполнением некоторого действия с максимальной эффективностью затраченных усилий. Сравнительный анализ концептов «здравый смысл» и “common sense” в русском и английском языках свидетельствует о том, что между русскими и американцами нет существенных различий в понимании здравого смысла и в отношении к нему [2]. И те, и другие считают, что здравый смысл есть естественная рациональная реакция человека на обыденное развитие событий. Отмечается, что в жизни люди часто жертвуют здравым смыслом, подчиняясь эмоциям, что здравый смысл необходим и желателен, т.е. не наличествует. В русских примерах выражается идея намеренного или ненамеренного отсутствия здравого смысла в действиях властей. Основные различия в отношении к здравому смыслу состоят в том, что в английском языке подчеркивается его базовый, исходный характер, и, соответственно, акцентируется либо его основательная надежность, либо не-

достаточность для определенных ситуаций, а в русском языке здравый смысл довольно часто оценивается с позиций романтиков как обыденное, приземленное отношение к жизни. Налицо важнейшее отличие в доминантах поведения: для рационального деятеля нужно учесть возможные условия риска, для мечтательного созерцателя важнее оценить всю ситуацию с позиций эстетики, а не утилитарной практики. Соответственно, есть знания, нужные практику, и знания, нужные созерцателю. Обратим в этом плане внимание на акцентирование компетенции в педагогике как овладения содержанием образования, выражаемой в готовности ученика *применять* усвоенные знания, навыки и умения, а также способы деятельности в определенных жизненных ситуациях с целью решения теоретических и практических задач.

Выведение нового знания из предыдущего представляет собой разработанную в логике систему понятийного анализа, включающую аналогию, индукцию, дедукцию и т.д. Главная особенность этого знания – его неочевидность. Это качественно новый уровень постижения мира на основе логических операций и абстрактных понятий. В лингвистике доказано, что неправомерно считать житейскую, «наивную» картину мира ошибочной по сравнению с «научной» картиной мира. Эти два типа знаний имеют разную объяснительную направленность: житейские знания касаются обыденных ситуаций, научные – скрытых закономерностей устройства мира. Ошибки возникают в случае житейского объяснения таких закономерностей. Таковы, например, некоторые распространяемые в интернете мнения о сходстве русского языка с древнеегипетским. Следует заметить, что в основе таких суждений лежит не только отсутствие профессиональных знаний о предмете речи, но и желание карнавально перевернуть с игровой целью существующие концепции. Это проявляется, впрочем, преимущественно в сфере гуманитарного знания. Отметим, что житейские знания отличаются стабильностью, в то время как научные знания закономерно устаревают и уточняются: в свое время научной считалась концепция о том, что земля покоится на трех китах.

Существуют четыре основных модуса восприятия действительности с присущими им форматами знаний и способами их языкового воплощения – инстинктивный, эмоциональный, рациональный и интуитивный. Специфика инстинктивного модуса состоит в мо-

ментальной реакции, выражающей генетически накопленный опыт. Подобным образом мы моргаем при вспышке света или проносим междометия (или их эквиваленты) в ситуациях, когда случается что-то непредвиденное. Эмоциональная реакция на происходящие события разворачивается во всем диапазоне человеческих чувств – от удивления до радости, смущения или гнева, она может быть моментальной и опосредованной, именно этот тип реакций порождает художественные знания – конструирование воображаемых миров, для описания которых используются все ресурсы языка. Рациональная реакция на тот или иной стимул проявляется в виде поведенческих и вербальных паттернов, отражающих причинно-следственные, целевые и другие усвоенные и осмысленные связи в мире, которые воплощены в развернутых или сокращенных высказываниях. Интуитивный модус восприятия реальности состоит в целостном переживании всей ситуации и растворении своего Я в ней. Интуиция – это «способность получать знание так, что оно появляется в сознании как бы само собою без посредства ведущих к нему познавательных операций. Интуитивное знание традиционно противопоставляется знанию (а) дискурсивному, полученному путем логического рассуждения, (б) ясному и отчетливому, (в) обоснованному и достоверному» [3, с. 21]. Языковое выражение интуитивного знания в минимальной степени эксплицитно, такovy, например, изречения Гераклита (*Из всего – одно, из одного – всё*).

Информация как достояние субъекта неоднородна. Выделяются тематические области знания, виды знания, связанные с каналом их получения, и виды знания, различающиеся по актуальности для индивидуума. В последнем случае терминологически противопоставляются три типа информации – прототипная, релевантная и пертинентная. Первый тип информации характеризует общую базу знаний, на фоне которых выделяется то, что в данный момент представляется важным для человека. Прототипная информация позволяет установить базовые координаты в мире вокруг нас, она образует ту картину мира, которая позволяет нам ориентироваться и поэтому характеризуется наличием оценочных установок. В лингвистике прототипная информация соотносится с тем, что называется пресуппозициями – нашими общими представлениями об устройстве мира. Мы их усваиваем с детства (*Огонь обжигает; Все живое смертно; После зимы наступает весна; Лондон – столи-*

ца Англии). Релевантная информация дает возможность сравнить и противопоставить то, что нужно принять к сведению здесь и сейчас, в отличие от того, что составляет фон наших знаний. В лингвистике в данном случае говорят о противопоставлении темы и ремы высказывания, т.е. о выделении актуального на фоне известного (*Во время эпидемии гриппа нужно избегать массовых скоплений людей; Лентяи всегда находят оправдание своему бездействию; Немедленно запишите то, что вы хотите немедленно забыть*). Пертинентная информация уточняет релевантную, акцентируя скрытый смысл, и в этом плане обычно предполагает контраст между сказанным и подразумеваемым. В лингвистике такое противопоставление закреплено в терминах «топик» и «фокус», представляющих собой значимые разновидности ремы – некоторой новой информации (*Я вчера немного поранил руку, когда мыл мою новую машину; Глупость – это не отсутствие ума, это ум такой (А. Лебедь); Хотя птицы просыпаются с чувством голода, первое, что они делают, – это поют (Л. Керролл)*). В фокусе оказывается выводимый смысл, актуализирующий новое знание о мире у получателя информации: самопрезентацию говорящего как человека, умеющего изъясняться полупамятками, ироничное расширение понятия «ум», выдвижение на первую позицию миссии живого существа и т.д. В информационных технологиях принята иная трактовка соотношения релевантности и пертинентности – формальное либо содержательное соответствие некоторой информации той формулировке, которая задана в поиске.

Житейские знания обнаруживают наименьшую трансформацию в наши дни. Базовые биологические потребности человечества не меняются. У многих людей инстинктивные реакции на различные обстоятельства остаются доминирующими. Игровая тональность молодежного дискурса, резкое неприятие нравучений в любой форме приводит к тому, что очень часто высмеиваются назидательные высказывания, которые содержат прескриптивные знания – как следует себя вести. Эти знания отражены в обширном паремиологическом фонде, в цитатах и прецедентных текстах.

В наши дни появляются многочисленные игровые переосмысления предписаний, примет и пословиц, тиражируемые в интернете и средствах массовой информации: *Уходя, гасите всех; Чужого мне не надо, но свое я заберу, чье бы оно ни было; Если дорогу вам перешла бабушка с ураном, это к обогащению; Поде-*

лись улыбкою своей, и тебе ее не раз еще припомнят; Жизнь дается один раз. Еще раз я бы не выдержал; Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет и др. Карнавализация сдвигает координаты прототипного знания, но вместе с тем подтверждает важнейшие принципы человечности. Иронии или комическому абсурду подвергается не столько содержание тех или иных высказываний, сколько назидательность как таковая.

Научные знания неизбежно меняются, но в наши дни особенно заметна трансформация отношения к таким знаниям. Произошло резкое заземление познавательной активности значительной части населения в связи с ориентацией на ценности телесного мира, составляющие ядро рыночной экономики. Здесь можно противопоставить три типа знаний – профессиональные знания, которые по-прежнему высоко оцениваются в экспертном сообществе специалистов, учебные знания, представляющие собой адаптированные к уровню школьников научные сведения, и популярные научные знания, отношение к которым в значительной мере определяется возможностями продвижения товаров и услуг, сенсационностью и развлекательностью.

Ценность новой научной информации остается неизменной в обществе, но в наши дни усилилась формализация в оценке оформления и предъявления такой информации. Это касается процедуры оформления результатов научного исследования, его рецензирования и документирования. Возникло множество научных журналов, тиражирование научной продукции требует качественно нового подхода к учету полученных результатов, но формализация такого учета привела к резкому увеличению продукции, которая не содержит новых научных результатов, банальна по содержанию, хотя и удовлетворяет требованиям контролирующих инстанций.

Содержание учебных знаний, того материала, который составляет культурную грамотность подрастающего поколения, постоянно находится в центре внимания общества. В этом плане заслуживает пристального изучения опыт создания справочника нового типа – Dictionary of Cultural Literacy («Словарь культурной грамотности») [8]. Эта книга имеет подзаголовок: «Что каждый американец должен знать». В предисловии к этому словарю его автор Э. Хирш отмечает важность фоновой грамотности и эффективной коммуникации в стране. Список слов и выражений, составивший содержание этого словаря, понимает-

ся, нельзя считать абсолютным. Он включает географические имена, исторические события, имена известных людей, фольклорные реалии, пословицы, популярные цитаты, научные термины, термины искусства и др. Необходимость создания этой книги объясняется острой потребностью повысить уровень фоновой грамотности граждан страны. Это признание свидетельствует о том, что фоновая грамотность населения в США снижается, и, что важно для нас, активное распространение норм массовой культуры США, вызванное глобализацией, приводит к аналогичному положению дел во всем мире, включая и нашу страну. Автор констатирует очевидную зависимость между низким материальным уровнем жизни семьи и низким уровнем культурной грамотности.

Эта проблема неоднократно обсуждалась в обществе. Британский исследователь Б. Бернстайн обосновал тезис о том, что существуют развернутый и ограниченный коды (elaborated and restricted codes) как обобщенные типы речевых стратегий. По его мнению, эти типы речевых стратегий отражают контекстно-независимые и контекстно-связанные системы значений. Контекстно-независимая система значений характеризуется универсальностью, она в принципе открыта для всех в силу выраженности смысловых зависимостей и связей. Контекстно-связанная система значений характеризуется партикулярностью, она открыта только для тех, кто имеет единую контекстуальную память. Ограниченный код базируется на сжатых, конденсированных символах, развернутый код – на артикулированных. Ограниченный код используется дома, в бытовом общении, с друзьями, развернутый код – в официальном общении, в учебном заведении, в учреждении, в беседе на отвлеченные темы [6, с. 164–167].

Экспериментальные исследования в значительной мере подтвердили гипотезу Б. Бернстайна. Так, матери из семей среднего класса отличались от матерей из семей рабочего класса в разговоре с детьми в том, что в семьях среднего класса не принято избегать ответов на детские вопросы, принято давать информативные ответы, расширяющие знания ребенка, и предпочтение отдается вопросам «почему?». Например, вопрос *Почему листья падают с деревьев?* допускает множество ответов, которые могут быть сгруппированы в десять типов:

- 1) выражение удивления (*А почему они не должны падать?*);
- 2) повторение вопроса в ответе (*Потому, что падают*);

3) отсылка к регулярности (*Они каждый год падают*);

4) отсылка к сущности (*Листья, они такие*);

5) отсылка к авторитету (*Потому, что такой закон в природе*);

6) отсылка к эмоциям и желаниям (*Потому, что им так хочется*);

7) объяснение по аналогии (*Деревья засыпают, и тогда...*);

8) объяснение по дедуктивной модели (*Листья – живые, а все живое умирает*);

9) причинное объяснение (*Сильный осенний ветер срывает их*);

10) целесообразное объяснение (*Чтобы новые листья появились весной*).

В семьях среднего класса первые шесть типов ответов практически не были зарегистрированы. В рабочих семьях вопросы «почему?» часто воспринимаются как некоторый вызов родительскому авторитету, в семьях среднего класса – как стремление узнать новое о мире [9, с. 98, 117]. Вероятно, типы вопросов и ответов могут быть проанализированы и с других позиций, но нельзя отрицать того, что статусная сверхзадача «поставить ребенка на место», т.е. научить его прежде всего уважать старших, в значительной степени сковывает познавательную активность растущего человека, во-первых, и сигнализирует о своеобразной компенсации со стороны родителей своего непрестижного социального статуса, во-вторых.

Отсюда следует, что доступность знания ввиду широкого распространения телевидения и интернета остается потенциальной, если познавательная активность ребенка не сформирована и если в обществе не выработаны социальные механизмы приобщения граждан к культуре – механизмы аккультурации. Знания составляют важный элемент в этой системе. Вместе с тем необходимо отметить, что сокращение чтения неизбежно приводит к обеднению словарного состава и замене развернутых высказываний клишированными образованиями, зачастую построенными неверно (фраза из сочинения абитуриента: *Появление декабристов было обусловлено с целью наведения порядка в стране*).

Говоря о популярных научных знаниях, циркулирующих в массовой культуре, необходимо отметить, что существуют определенные социальные институты, осуществляющие такую циркуляцию – познавательные телепередачи, компьютерные программы, выступления специалистов перед населением и т.д. Вырабо-

тался особый тип дискурса, назначением которого является популяризация знания в разных тематических сферах, – популярный медицинский, политический, юридический, экономический, научный дискурс. Его содержанием выступает предметное поле соответствующей области знаний, а форматом – особый тип медийного общения, сориентированного на передачу адаптированной информации для той или иной группы населения. Такой гибридный дискурс неоднороден в тематическом и адресатном плане. Вместе с тем известно, что медийное общение в наши дни реализует триединую цель – информирование, воздействие и развлечение. Акцентированная развлекательность приводит к появлению непроверенной информации. Это в полной мере соответствует важнейшей характеристике эпохи постмодерна – отсутствию четкой системы ценностных координат в обществе. Любая информация имеет право на существование, если она занимательна. Возможности видеомонтажа позволяют предъявить в социальных сетях любое фантастическое создание – от русалок до инопланетян. Граница между образами из художественных фильмов и документалистики размывается. Соответственно, в массовом сознании резко сужается сфера достоверного декларативного знания и происходит экспансия ориентационного и процедурного знания. Мир реальный замещается квазиреальным. На многих сайтах в интернете размещена информация, подобная следующей:

Оборотень: жертва колдовства или врачебный диагноз?

Непознанное и необъяснимое: Оборотень – жертва колдовства или врачебный диагноз? Оборотни, эти кровавые порождения сатанинских сил, по сказкам и легендам известны практически всем. Для превращения людей в диких злобных животных даже изобретен специальный термин «териантропия». Большая часть рассказов об оборотнях посвящены людям, превращающимся в кровожадных волков, такие люди называются ликантропами.

Именно в греческих мифах содержится одно из самых древних упоминаний о превращении человека в волка. Согласно легенде, аркадийский царь Ликаон решил подшутить над гостившим у него Зевсом. Шутка была вполне в духе тех времен, которые нынешние мечтатели называют «золотыми». Человеческая жизнь тогда не имела никакой ценности. Ликаон подал Зевсу на стол блюдо, приготовленное из собственноручно убитого Ликаоном сына. Аркадийский царь имел пятьдесят сы-

новой и, видимо, не очень-то их берег. Однако Зевс страшно разозлился и превратил Ликаона в волка навечно. Именно из этой легенды и взят термин «ликантропия».

Однако те, кого сейчас называют оборотнями, ходят в волчьей шкуре не всегда. В обычной жизни это рядовые люди, зачастую скромные и незаметные. Лишь в особых обстоятельствах – полнолуние, чрезвычайная опасность, желание отомстить, ну или просто попить кровушки, – они превращаются в ужасных монстров.

В приведенном тексте мы видим адаптацию мифа к современному сознанию. Миф, как известно, противопоставлен повествованию о факте (знания первого типа) и явному вымыслу (знания второго типа) В этом плане миф сверхреален и воплощает в себе знания третьего типа, легко поддающиеся символизации в силу высокой ценностной насыщенности соответствующего нарратива. Читатель сталкивается с терминами специальных областей знания, расширяет свою эрудицию в области древнегреческой мифологии и получает познавательное удовольствие, систематизируя свои знания в этой сфере.

Трансформация знания связана с изменением типов доминирующего дискурса в обществе. Дискурс – вербальное общение – осуществляется в двух основных режимах – между людьми, которые, как ожидается, должны нас понять, и людьми, которым нужно разъяснять что-либо. В замкнутом сообществе общение сводится к первому типу, и поэтому там высока роль намеков, недосказанности и т.д. Прототипное знание у таких коммуникантов совпадает. В открытом сообществе человеку приходится вступать в общение с большим количеством незнакомых людей, и это требует развернутых высказываний, которые при этом тематически жестко ограничены (разговор с врачом, юристом, обсуждение производственных проблем и т.д.). В этом случае значимым является различие между профессиональным и непрофессиональным общением [1] и, соответственно, профессиональным и непрофессиональным знанием. Непрофессиональное знание по определению является преимущественно ориентационным, и его доля в современной массовой культуре резко возрастает. Другая характерная черта современной коммуникативной ситуации – экспансия медийного дискурса в разные типы общения (от личностного до институционального), и это также связано с возрастанием разновидностей ориен-

тационного знания. Стремительное развитие интернет-коммуникации позволило существенно разгрузить память людей, и это привело к возникновению единого экспертного фонда в виде онлайн-энциклопедий разного типа. Доступность таких энциклопедий превращает в реальность идею о ноосфере, но представляемой не как планетарное мышление (эта идея носит в значительной мере религиозный характер), а как планетарная информатизация.

Трансформация знания связана с появлением новых типов личности, имеющих отношение к знанию. В архаическую эпоху это был жрец, знание считалось сакральным, и важнейшей антиномией было противопоставление сакрального и профанного (обиходно-жизненного) знания. Развитие наук и ремесел закономерно привело к появлению знания в разных областях жизни, носителем такого знания стал специалист. Дихотомия «сакральное – профанное» трансформировалась в противопоставление специального знания и общей эрудиции. Специалист должен быть знатоком в определенной области, эрудиту достаточно иметь представление об этой области. Развитие интернета, резкое увеличение объема информации и доступность любых знаний на наших глазах приводит к появлению новых типов носителей знания – систематизаторы и тролли (первые стремятся упорядочить массивы знаний, обеспечить их хранение и перевод, а вторые карнавально переворачивают информацию, стараясь превратить любые знания в нечто недостоверное и смешное). Все эти типы личностей встречаются сегодня – гуру, специалисты и систематизаторы, с одной стороны, профаны, эрудиты и тролли – с другой.

Резюмируем сказанное. Основные тенденции в трансформации знаний в нашу эпоху с позиций лингвокультурологии состоят в резком увеличении объективного совокупного фонда декларативных знаний и соответствующего сокращения таких знаний в индивидуальном сознании, в возрастании значимости ориентационного и процедурного знания, в карнавальном переворачивании популярного научного знания, в размывании прототипной информации в массовом сознании, в расслоении населения на тонкий слой экспертов и массу людей с недостаточным уровнем грамотности, в продвижении недостоверной информации в медиадискурсе и появлении особых типов личности – троллей, которые намеренно дискредитируют знания как социальную ценность.

Литература

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: моногр. Волгоград: Перемена, 2009.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Перемена, 2007.
3. Кармин А.С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. СПб.: Наука, 2011.
4. Ребер А. Большой толковый психологический словарь / пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 2000. Т. 1.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.
6. Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. P.P. Giglioli (Ed.). Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157–178.
7. Gans E. The origin of language: a formal theory of representation. Berkeley: University of California Press, 1981.
8. Hirsch E.D., Kett J.F., Trefil J.S. The Dictionary of Cultural Literacy. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1993.
9. Robinson W.P., Rackstraw S.J. A Question of Answers. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. In 2 vol.

* * *

1. Bejlinson L.S. Professional'nyj diskurs: priznaki, funkcii, normy: monogr. Volgograd: Peremena, 2009.
2. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. Volgograd: Peremena, 2007.
3. Karmin A.S. Intuicija: Filosofskie koncepcii i nauchnoe issledovanie. SPb.: Nauka, 2011.
4. Reber A. Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar' / per. s angl. M.: Veche; AST, 2000. T. 1.
5. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jencikl., 1983.

Knowledge transformation in the modern period: linguocultural aspect

The article deals with the linguistically relevant trends of knowledge changes in the minds of our contemporaries taking into consideration the dominant characteristics of our era – the information technology revolution and postmodern carnival-play reflection of reality. It is shown that sensitive knowledge undergoes the least transformation, the knowledge based on common sense is often changed, the rational knowledge keeps its value for professionals and is greatly simplified in popular scientific discourse, which merges with the media discourse and is aimed at entertainment of wide audience.

Key words: *information, knowledge, presuppositions, carnivalization.*

(Статья поступила в редакцию 10.02.2017)

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

**ИСТОРИЯ КАЛМЫЦКОЙ
ТОПОНИМИИ: МАТЕРИАЛЫ
К СЛОВАРЮ***

Рассматривается история формирования топонимикона территории, занимаемой ныне Республикой Калмыкия. Анализируются картографические материалы, даются образцы словарных статей планируемого топонимического словаря Республики Калмыкия.

Ключевые слова: *топоним, топонимия, топонимикон, картография, улус, Калмыкия, словарь.*

Территория, занимаемая ныне Республикой Калмыкия, рано попадает на карты. Уже Геродот (V в. до н.э.) изображает земли между Каспийским и Азовским морями, располагая на них савроматов, а неподалеку исседонов, йирков (јусæ), тиссагетов, массагетов и другие народы [5; 11]. На карте Клавдия Птолемея (I в. н.э.) здесь располагается Сарматия Азиатская в отличие от Европейской Сарматии, находящейся на берегах Черного и Азовского морей [3]. Впоследствии карты Геродота и Птолемея копируются другими европейскими картографами (вплоть до второй половины XVI в.), которые постепенно их обновляют, заменяют на них данные об объектах и народах. На картах эти края получают название Татари (Тартарии) Азиатской (карта России Аньезе Батисты 1525 г.).

На карте Антония Вида (1537), составленной этим данцигским художником, литвином, по опросным данным околичничьего Ивана Васильевича Ляцкого (см. рис. 1), отмечены калмыки (Kalmucky horda), они живут в юртах в Закаспии, за рекой Яик (Deick), рядом с ногаями и козарами (явный анахронизм; видимо, имеются в виду казахи), севернее находится Великая Тюмень (Tumen Wilky), а между Волгой и Доном нарисованы рощи, в которых обитают греки-христиане и пятигорские черкассы. Картограф отмечает, что калмыки носят длинные волосы (Hi longum capillitium gestant) (здесь и далее материал из [7; 8]). Следовательно, уже в это время русские знали о калмыках, наблюдали за их перемещениями.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00137 «Особенности ономастического пространства России (на примере Республики Калмыкия)».